

РЗМ ХРОНОС

Улыбка Чака

искупление и любовь

Рэм Хронос

**Улыбка Чака:
искупление и любовь**

«Автор»

2026

Хронос Р.

Улыбка Чака: искупление и любовь / Р. Хронос — «Автор», 2026

В антикварной лавке, укрываясь от дождя, Анна находит зловещую куклу по имени Чак. Не устояв перед мрачным очарованием, она покупает её — и тем запускает цепь пугающих событий. Вскоре Анна понимает: кукла жива, и её зловещая улыбка сулит лишь смерть. Смертельная схватка с демоническим созданием оборачивается неожиданным открытием: в Чаке заточен заколдованный ученик мага — Эрик. Победив тьму и разрушив проклятие, Анна дарует Эрику свободу. Между ними вспыхивает чувство, способное преодолеть любые преграды — даже те, что созданы древней магией. История, где ужасы переплетаются со сказкой, а тьма отступает перед силой любви, завершается счастливым финалом: Анна и Эрик создают семью и становятся родителями двоих детей. «Улыбка Чака: искупление и любовь» — это завораживающая смесь жанров, где мистический триллер встречается с романтической сказкой о том, как любовь способна исцелить даже самые глубокие раны и превратить проклятие в благословение.

© Хронос Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Улыбка Чака: искупление и любовь

Рассказ

От автора:

Дорогие читатели!

Пока вы следили за перипетиями Анны и Эрика, автор, втайне радовался, как ловко судьба переплетает ужас, магию и любовь в один причудливый узор. Признаюсь: сочиняя историю о зловещей кукле, я невольно задумался – а что, если в каждой тёмной тайне прячется шанс на счастье?

Так что, если вдруг застигнет вас дождь у дверей антикварной лавки, не торопитесь уходить. Кто знает – может, за пыльной витриной ждёт не ужас, а начало вашей собственной сказки. Только помните:

Верьте в чудеса, дамы и господа!

Будьте добрее друг к другу (и к подозрительным куклам – вдруг это заколдованный герой, которому просто не хватает доброго слова?).

И не пугайтесь слишком сильно: даже самая жуткая улыбка может оказаться лишь маской для чего-то по-настоящему прекрасного.

С улыбкой и наилучшими пожеланиями, ваш автор!

***

Я возвращалась из университета под проливным дождём, который словно решил проверить меня на прочность. Крупные капли барабанили по капюшону, стекали по лицу, превращая мир в размытую акварель. Куртка промокла насквозь – теперь она тянула вниз, словно пыталась утянуть меня в эту серую, дождливую бездну. Кроссовки хлюпали при каждом шаге, а в голове пульсировала только одна мысль: «Скорее бы домой, горячий душ, чай и сухой свитер».

Город вокруг словно вымер – редкие прохожие прятались под зонтами, спеша укрыться от непогоды. Я свернула на боковую улицу, где дома стояли теснее, а фонари горели реже. И тут заметила тусклый свет в окне старого дома, который, казалось, вырос из земли десятилетия назад и теперь терпеливо ждал своего часа.

Вывеска над дверью едва читалась: «Антикварная лавка. Вещи с историей». Буквы были выцветшими, словно их рисовали ещё в прошлом веке, а краска местами облупилась, обнажая потемневшее дерево.

«Почему бы не зайти? – подумала я, переминаясь с ноги на ногу. – Хоть передохну от этого ливня. Да и любопытно, что за сокровища прячутся за этими стенами».

Дверь открылась с противным и протяжным скрипом, будто протестуя против вторжения. Внутри царил полумрак, пропитанный запахом старины – пыльных книг, полированного дерева и чего-то ещё, едва уловимого, будто запах времени. Воздух был густым, насыщенным историей, и каждый вдох наполнял меня ощущением, будто я попала в другой век.

Хозяин лавки – высокий старик с седыми волосами, собранными в хвост, – молча кивнул из-за прилавка. Его глаза, тёмные и пронзительные, на мгновение задержались на мне, словно сканируя, а затем вновь уткнулись в толстую книгу с пожелтевшими страницами. В его взгляде читалась мудрость веков и лёгкая усталость от бесконечного созерцания прошлого.

Я медленно прошла между рядами, осторожно ступая по скрипучему паркету. Здесь было всё: фарфоровые статуэтки с потускневшими лицами, пожелтевшие фотографии в витиеватых рамках, старинные часы, тикающие вразнобой, словно оркестр, разучивший разные мелодии. На полках теснились книги с кожаными переплётами, шкатулки с замысловатой резьбой, посуда с выцветшим золотым ободком. Каждый предмет словно шептал: «У меня есть история. Хочешь её услышать?»

Я уже хотела уйти, когда взгляд зацепился за полку в дальнем углу. Там, в самом центре, сидел он.

Кукла. Не милая пухлощёкая девочка, а нечто... тревожное. Сделанная из тёмного дерева, с аккуратно вырезанным, но на редкость злобным лицом. Глаза – две бусинки, чёрные и блестящие, – казались слишком живыми, будто наблюдали за мной из глубины веков. На лице застыла неестественно широкая, почти хищная улыбка, обнажающая ряд мелких, острых зубов, нарисованных красной краской. Его руки были слегка согнуты, словно он готовился схватить что-то – или кого-то.

«Что за жуткое создание?» – пробормотала я, но необъяснимая сила тянула меня ближе. Я почувствовала, как по спине пробегает холодок, но не могла отвести взгляд.

– Понравился? – хрипло спросил старик, бесшумно возникнув рядом. Его морщинистое лицо исказила странная усмешка, а глаза блеснули в полумраке. – Это Чак. Старинная вещь. Принадлежала одному фокуснику. Говорят, он мог оживлять вещи.

Я поежилась, но мысленно отмахнулась: «Всего лишь сказки». Тем не менее я уже протягивала руку, чтобы взять куклу. Её поверхность была гладкой, но холодной, словно лёд, несмотря на тёплый воздух лавки.

– Будь осторожна с ним, девочка, – пробормотал продавец, когда я протягивала деньги. Его голос звучал глухо, почти шёпотом. – У него свои игры.

«Просто старый чудак», – решила я, неся Чака домой. Кукла была удивительно тяжёлой, словно внутри неё скрывалась не древесина, а что-то гораздо более весомое – будто в ней затаилась чья-то душа.

Дома я поставила Чака на книжную полку в гостиной, напротив дивана. Он казался неуместным среди моих современных книг и минималистичного интерьера, но в то же время притягивал взгляд. Его чёрные глаза словно следили за мной, даже когда я отворачивалась.

Вечером, устроившись с книгой, я иногда поднимала глаза и ловила взгляд Чака. Его чёрные бусинки, казалось, следили за каждым моим движением. Я пыталась убедить себя, что это просто игра света и тени, но внутри нарастало неприятное ощущение, будто что-то не так.

«Глупости, – бормотала я, когда мне вдруг показалось, что голова куклы чуть-чуть наклонилась. – Просто игра света и тени. Или сквозняк».

На следующую ночь я проснулась от странного скрипа. В полумраке разглядела: Чак сидит не на полке, а на прикроватной тумбочке – в считанных сантиметрах от моей головы. Его лицо было так близко, что я могла разглядеть мельчайшие детали резьбы. Сердце сжалось от ледяного холода, охватившего душу.

«Я же точно помню, что поставила его на полку!» – панически подумала я. Дрожащими руками подняла куклу и вернула на прежнее место. «Наверное, я просто забыла», – попыталась убедить себя, хотя знала, что это не так. Я чётко помнила, где оставила Чака.

Утром, спускаясь на кухню, я услышала тихий, едва различимый шёпот:

– Привет, Аня.

Голос был хриплым, словно скрип старой двери, и шёл словно отовсюду одновременно. Я резко остановилась, вслушиваясь. Тишина.

– Кто здесь?! – крикнула я, оглядываясь. Квартира была пуста. «Это точно мой разум играет со мной», – сказала я вслух, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Но где-то в глубине души я понимала: это не просто воображение.

Вечером я мыла посуду, после ужина, и вдруг со стола слетела моя любимая чашка – разлетелась вдребезги. Я подпрыгнула от неожиданности, сердце бешено заколотилось. Подняла взгляд – Чак стоял посреди гостиной, глядя прямо на меня. На его деревянном лице застыла всё та же жуткая улыбка, но теперь она казалась ещё шире, ещё злораднее, будто он наслаждался моим страхом.

– Ч-Чак? – прошептала я, отступая. – Ты... ты не можешь...

Кукла медленно подняла голову, и её чёрные глаза блеснули, словно отражая невидимый свет.

– О, могу, Аня. Я могу гораздо больше, – голос был теперь отчётливым, низким, с отчётливыми нотками издевательства. Он звучал так, будто исходил из самой куклы, но при этом разносился по всей комнате.

У меня перехватило дыхание. Я схватила ближайшую вазу, чувствуя, как дрожат руки.

– Что тебе нужно?! – крикнула я, чувствуя, как паника обволакивает меня, словно липкая паутина.

Чак сделал шаг. Деревянные ноги скрипнули по паркету, звук был таким реальным, что я чуть не закричала.

– Мне нужна... игра, Аня. И ты будешь моей игрушкой. – Он усмехнулся, и на его нарисованных губах появились кроваво-красные уголки, будто краска ожила.

Я отбросила вазу и бросилась к двери. Дёрнула ручку – заперто. Я же оставляла её открытой! Чак, казалось, телепортировался, оказавшись прямо передо мной, преграждая путь. Его маленькие деревянные руки вытянулись, и в одной из них появился крошечный, но очень острый нож, словно материализовавшийся из воздуха.

– Не пытайся убежать, глупая девочка, – прошипел он, и его голос звучал уже не хрипло, а холодно и чётко, будто лезвие. – Ты не сможешь от меня скрыться.

Страх заполнил всё моё существо. Я рванулась в спальню, надеясь запереться там. Дверь захлопнулась за мной, но не успела я повернуть замок, как в дерево врезался нож, пробив его насквозь. Лезвие застряло в сантиметре от моей руки.

– Ах ты ж дрянь! – закричала я, отпрянув.

С другой стороны двери послышался зловеющий смех Чака, эхом разносящийся по квартире.

– Ты настолько медленная, что даже улитка обгонит тебя в гонке!

Я металась по комнате, ища хоть что-то, чем можно было бы отбиться. Взгляд упал на старый стул. Схватила его, приготовилась, чувствуя, как адреналин пульсирует в венах. В следующую секунду дверь с грохотом распахнулась. Чак стоял в проёме, его глаза горели зловеющим огоньком, а нож блестел в тусклом свете лампы.

– Сейчас мы поиграем, Аня, – прорычал он, бросаясь на меня с невероятной скоростью.

Я взмахнула стулом. Дерево ударило о дерево, и Чак отлетел к стене. Он упал, но тут же вскочил, как пружина, и снова рванулся вперёд с новой силой. Я отступила, споткнулась о край ковра и едва не упала.

В этот момент мой взгляд упал на полку с книгами – там лежала тяжёлая энциклопедия, которую я давно собиралась переставить. Не раздумывая, я схватила её и с размаху швырнула в Чака. Энциклопедия ударила его в грудь, и кукла отлетела к стене с глухим стуком. На мгновение она замерла, а затем медленно поднялась, её улыбка стала ещё шире, почти до ушей.

– Ты всё ещё думаешь, что можешь победить? – прошипел он, и в его голосе звучало откровенное издевательство. – Я ждал этого момента сто лет. И теперь моя игра только начинается.

Я огляделась в поисках нового оружия. Взгляд упал на подоконник – там стоял старый кованный подсвечник. Я схватила его, чувствуя холодный металл в ладони. Чак замер, словно оценивая угрозу.

– Знаешь, что самое забавное? – продолжил он, медленно приближаясь. – Ты даже не представляешь, насколько ты важна для этой игры. Твоя душа... она особенная.

Я сжала подсвечник крепче, чувствуя, как страх постепенно сменяется яростью.

– Замолчи! – крикнула я. – Ты не получишь меня!

Чак рассмеялся – звук был похож на скрежет ржавых шестерёнок.

– О, ты ещё не поняла? Ты уже в игре. И выхода нет.

Он бросился на меня. Я взмахнула подсвечником, целясь в голову. Чак увернулся, но я успела задеть его плечо – раздался треск дерева. Кукла отшатнулась, а я, не теряя времени, ударила снова.

На этот раз подсвечник попал в цель. Голова Чака резко дёрнулась, и из трещины на лице потекла тёмная, вязкая жидкость. Чак замер, его хватка ослабла. Глаза потускнели, а улыбка застыла в жуткой гримасе.

Но через секунду он снова пришёл в движение – ещё более яростно, чем прежде.

– Ты только разозлила меня! – взвизгнул Чак, и его голос стал выше, почти детским, но от этого ещё более пугающим.

Он прыгнул на меня, вытянув руки с острыми ногтями. Я отклонилась, но он успел зацепить мою руку – острая боль пронзила предплечье. Я вскрикнула и отшатнулась к стене. Чак приземлился на пол, повернулся ко мне и медленно пошёл вперёд, не сводя с меня чёрных глаз.

– Теперь ты моя, – прошипел он. – И мы будем играть вечно.

Не успела я отреагировать, как Чак рванулся вперёд и впился в мою шею своими деревянными пальцами. Его хватка была невероятно сильной – словно стальные тиски сжимали горло. Я задыхалась, мои лёгкие горели, а перед глазами начали расплываться тёмные пятна.

– Я заберу твою душу! – прорычал Чак, его улыбка казалась ещё шире, а глаза сверкали в полумраке.

В панике я нащупала что-то твёрдое под подушкой – это был мой старый железный брелок с ключами. Собрав последние силы, я со всей мочи ударила Чака по голове. Раздался громкий треск. Деревянная голова куклы повернулась на неестественный угол, и из трещины хлынула тёмная, вязкая жидкость, похожая на смолу.

Чак замер. Его хватка ослабла окончательно. Пальцы разжались, освобождая мою шею. Я откатилась в сторону, кашляя и хватая ртом воздух. Каждая клеточка тела дрожала, а в ушах стоял пронзительный звон.

Я оттолкнула его от себя и отползла, продолжая судорожно дышать. Кукла безжизненно лежала на полу, из её разбитой головы сочилась чёрная жижа, растекаясь по паркету, словно чернила.

Дрожащими руками я схватила Чака, выбежала на кухню, открыла духовку и бросила его внутрь. Затем, с замиранием сердца, включила максимальный жар. Через несколько минут по квартире пошёл запах горелого дерева, смешанный с чем-то ещё – едким, почти химическим. Я сидела на полу, прислонившись к стене, вся дрожа. Каждая секунда тянулась бесконечно, а запах становился всё невыносимее.

Просидела так, пока запах гари не стал невыносимым. Наконец, осторожно открыв духовку, я увидела обугленный, изуродованный кусок дерева. От Чака почти ничего не осталось – только чёрный пепел и обломки, которые я выгребла и смыла в унитаз.

– Наконец-то, – выдохнула я, чувствуя, как напряжение медленно отпускает. Но в глубине души оставался неприятный осадок – будто что-то не закончилось, а лишь затаилось.

Пошла в ванную, чтобы промыть рану на руке. Глядя в зеркало, заметила что-то странное. Моё собственное отражение. На мгновение – всего на долю секунды – мои губы растянулись в широкой, неестественной, почти хищной улыбке, обнажающей ряд мелких, острых зубов. И из моих глаз, казалось, смотрели две чёрные бусинки.

Я в ужасе отшатнулась от зеркала. Снова посмотрела – моё лицо было нормальным. Но глубоко внутри я знала: Чак не исчез бесследно. Он оставил что-то после себя. И эта улыбка, которая теперь временами отражалась в моих глазах, была только началом его новой игры.

Я долго сидела в ванной, уставившись на своё отражение. Рана на руке уже не болела – боль сменилась глухой тревогой. Что-то изменилось во мне, и это «что-то» пульсировало где-то глубоко внутри, словно тёмное зёрнышко.

Выйдя из ванной, я замерла в коридоре. В квартире было тихо, но тишина казалась... насторожённой. Я прошла в гостиную, опустилась на диван и обхватила колени руками.

– Что же дальше? – прошептала я в пустоту.

Следующие дни я пыталась жить как прежде: убирала квартиру, ходила на пары, встречалась с подругами. Но каждый шорох заставлял меня вздрагивать, а тени в углах комнаты казались подозрительно подвижными. Сны были наполнены чёрными тенями и хриплым смехом, и я всё время ждала.

И вот однажды ночью я проснулась от тихого всхлипа. Звук был едва уловимым, но отчётливым – будто кто-то плакал в моей комнате.

Сначала подумала – показалось. Но звук повторился: кто-то явно плакал в моей комнате, тихо, прерывисто, с дрожью в голосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.